

АНДРЕЙ
ИЛЬИН

★ ОБЕТ МОЛЧАНИЯ ★

АНДРЕЙ ИЛЬИН

ТЕНЬ
НЕВИДИМКИ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
И46

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Обет молчания»

Оформление переплета — *Анастасия Орлова*

Разработка макета — *Ирина Гришина*

Ильин, Андрей.

И46 Тень невидимки : [роман] / Андрей Ильин. —
Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (Обет
молчания.)

ISBN 978-5-17- 108975-7

Вчера он спокойно смотрел футбол, лениво препирался с женой и латал старенький «жигуль» в гараже. Десять лет он прожил под чужой маской, пока она не стала своей. Всё изменилось в считанные секунды. «Контора» отдала приказ, и он вынужден бросить всё, потому что снова понадобилась стране, которая, похоже, готовится к новому витку тайной войны, и у него нет никаких шансов избежать участия в ней. Ему придется отказаться от привычного быта, семьи и даже собственного имени. Вспомнить, как надо мгновенно убивать и изощренно пытаться людей. Он будет скрываться от преследователей, угрожать первому лицу государства, манипулировать действиями его охраны, даже рыть себе могилу.

И вовсе не ради того, чтобы вернуться...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17- 108975-7

© А. Ильин, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

**ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

Утро. Квартира. Обычная трехкомнатная. Типовая «хрущевка» с видом на соседнюю пятиэтажку, за ней были точно такие же «хрущевки». И еще «брежневки». Типичный спальный район одного из областных центров, не процветающего, но и не дотационного. Средненького.

В квартире стояла обычная, купленная в кредит мебель из ДСП — шкафы из ДСП, кровать из ДСП. На кровати лежал с прикрытыми глазами мужик в семейных трусах. В лицо ему бил яркий луч солнца. На улице была весна.

Он лежал один, жена находилась на кухне. Там что-то скворчало, звякало и пахло жареным луком.

— Ты долго еще будешь валяться?! — крикнула из кухни жена.

Мужик промолчал. Ему не хотелось вставать и не хотелось отвечать.

— Ты чего молчишь? Ты что, умер? Наконец-то...

Мужик поморщился. В спальню сунулась обернутая в бигуди голова.

— Ну, ты чего не встаешь-то?

— Так воскресенье же.

— Ну и чего?

— Ничего.

Утро было замечательное и ругаться всерьез было лень.

— Ты завтракать будешь?

— А чего там?

— Всё то же самое.

Значит, пирожки с луком и яйцами. Мужик встал, шаркая тапками и вздыхая, побрел в туалет.

— Ты так и будешь в трусах по дому ходить?! — возмутилась жена.

— А что?

— Ничего. Ты думаешь, очень приятно на тебя голого смотреть, ты думаешь, ты Шварценеггер?

Мужик, точно, не был Шварценеггером, мужик был обычный, какой-то средненький, как «хрущеба», в которой он жил, как мебель, на которой он спал. Был никакой. Увидишь такого в толпе, отвернешься и забудешь в ту же минуту и навек.

Зевая и почесываясь, мужик сел за стол, стал жевать что-то без вкуса и удовольствия под оживленный рассказ жены:

— А я ей... А она в ответ... А я ей... Ну ты чего молчишь?

— А чего?

— Ничего. Я же тебе рассказываю.

— Ну да, я слушаю.

— А чего молчишь?

— Так ты мне слова вставить не даешь.

Мужик поел и пошел гостиную. Рухнул в кресло, включил телевизор. По ящику шел футбол. Кто-то черт знает как играл хрен знает с кем, не понять, с каким счетом. Мужик вперился в экран, где по зеленому полю лениво передвигались фигуры в желтых и красных трусах.

— Ты чего там сел-то?

— Так футбол же.

— Ну и что? Ты мне обещал дверцу шкафа подкрутить. Сколько дней прошу.

— Да ладно. Подкручу. Успею.

— Ты теперь подкрути.

— Я же говорю: успею, день длинный.

Первый тайм кончился. Мужик пошел в коридор, вскарабкался к антресолям, нашарил какие-то инструменты и стал чего-то там колотить в шкафу. На пять минут наступила семейная идиллия.

— И еще шкафчик на кухне.

— Ты про шкафчик не говорила.

— Теперь говорю!

— У меня футбол!

— А у меня шкафчик. И муж безрукий!

Идиллия кончилась.

— Ты чего орешь, всё орешь и орешь? — вяло возмутился муж.

— А чё ты в трусах ходишь?

— Да я уже не в трусах!

— А раньше в трусах был!

— Так в трусах же, а не без них.

— А может, мне неприятно на тебя смотреть?

— Тьфу!.. — Мужик плюнул и пошел в туалет. С газетой.

Он сидел на унитазе и читал, что в стране всё, за исключением отдельных недостатков, очень хорошо. А он любил читать про недостатки, которые были интереснее успехов — как кто-то кого-то убил, потом расчленил и где-то закопал, а кто-то проворовался, потом сбежал, потом вернулся и по совокупности деяний был назначен куда-то чрезвычайным послом. Про успехи он читать не любил, так как многие победы страны были хуже иных поражений. С такими победами страна могла и не справиться.

В дверь поскреблись.

— Ну? — откликнулся мужик.

— Чё «ну»? Вылазь давай!

— Мне что, в туалет сходить нельзя? В свой выходной?

— А чего сидеть по часу?

— Сколько хочу, столько сижу! — возмутился мужик из-за двери.

— А детям лопнуть, да? Вон Ленка еле терпит.

— Папа, я пи-и-сать хочу-у, — стала подвывать Ленка.

Мужик опять вздохнул, слил воду и открыл дверь, в которую юркнула дочь. Мужик прошел в гостиную и плюхнулся в кресло.

— Ты чего опять сел?

— Так второй тайм.

— А с детьми погулять? А в театр со мной сходить? А к маме съездить? Ну чё ты молчишь-то? Что ты всё молчишь и молчишь?

Да, надо что-то говорить. Надо реагировать... А то как-то не по-мужски. Не хочется, но надо.

— Да ё-моё... — возмутился муж. — Ишачишь всю неделю как проклятый, и в выходные покоя нет! Что у тебя за характер за такой, Зинка?

— На себя посмотри! — возмутилась Зинка. — Как ухаживал — гоголем ходил, на руках обещал носить, а теперь дверцу прибить не допросишься. Правильно мама говорила...

— Дура ты, Зинка.

— А ты как будто умный!

Мужик махнул рукой и пошел к входной двери.

— Ты куда это собрался? — грозно заступила ему дорогу жена.

— В гараж.

— Опять?

— Не опять, а снова. Мне карбюратор перебрать надо.

— Ты же в прошлые выходные перебирал, — заподозрила неладное жена.

— Ну да, перебирал. Да не перебрал.

— Ага, не перебрал. Еще как перебрал. На ногах еле стоял.

— Можешь тогда ты в гараж, а я дома останусь? С удовольствием! — предложил муж. — А на дачу на автобусе поедом. С рассадой.

Аргумент был убойным. Перебрать карбюратор жена не могла, а рассаду переть на себе не хотелось. Возразить было нечего, но промолчать тоже нельзя.

— Я сколь раз говорила: давай новую машину купим.

— На какие шиши?

— «Жигуль» продадим!

— За три копейки?

— Тогда кредит возьмем. Теперь все кредиты берут. Вон Семеновы взяли и Гавриковы.

— А отдавать как?

— А ты работу поменяй.

— На какую?

— На где платят больше...

— А где больше? Может, мне в киллеры податься?

— А хоть и в киллеры. Хоть на панель! А так жить нельзя! Дети вон пообносились, я себе колготок лишних не могу... Кран течет... Правильно мама...

— Ну всё, я ушел. — Мужик бросил на макушку кепи и вышел, хлопнув дверью. Очень громко.

На улице было тепло и весело. Светило солнце, шныряли дети и собаки. А что? Нормальная семья, вполне себе типичная, в которой без ругани обойтись никак невозможно. Так все живут. И в их «хрущевке», и в соседней. Да и вообще в микрорайоне и областном центре. В стране. И он так живет. Как все. Нормально...

Гараж был недалеко — длинная шеренга кое-как покрашенных кирпичных блоков с хитромудрыми самодельными замками и засовами за толстенными металлическими воротами. За этими воротами стояли раздолбанные «жигули», на которые, даже если их с ключами на улице оставить, хрен кто позарится.

В гараже был полный воскресный сбор. Мужики стояли возле поднятого полгода назад капота. На табуретке, застеленной газеткой, стояли стаканы

и лежало что-то малосъедобное, напластанное на ломти.

— О-о, Сан Саныч! — обрадовались ему, как родному. — Вот скажи, Сан Саныч: срочную год служить — это нормально или мало?

— Нормально, — сказал Сан Саныч. — Хотя маловато.

— Вот и я говорю: чего там за год узнаешь? Только как портянки мотать. А оружие, а техника, а тактика со стратегией? Год — это салабон без понятий. Это насмешка какая-то... Так?

— Ну да, — согласился Сан Саныч.

— Вот ты где, Саныч, служил?

— Я в стройбате.

— А-а... Тогда понятно. Там точно никакой техники, кроме лопаты. Оператор БСР: бери больше — кидай дальше.

— Ну да, — кивнул Сан Саныч.

— Ты хоть оружие-то в руках держал? Боевое? Ну, хоть на присяге?

— Оружие? Нет, я только лопату...

* * *

— Вот лопата!

Лопата была простая, штыковая, почерневшая от ржавчины, с искривленным, плохо ошкуренным черенком. Такую выкинуть не жалко.

— Лопата штыковая, используется гражданским населением для огородных нужд. На вид — фигня. Картошку копать. И канавы. На самом деле это не лопата, а оружие. Холодное. Такое же грозное, как штык-нож. Если, конечно, у вас руки откуда надо растут.

Руки у курсантов росли из разных неположенных мест, поэтому они не могли представить, как использовать лопату в боевых целях, разве что сверху по башке долбануть.

— Лопата состоит из штыка, — показал инструктор. — И черенка. Правильно заточенной лопатой можно перерезать человека в поясе надвое, проткнуть его насквозь, перерубить позвоночник, одним замахом отрубить ему голову.

Выходило, что лопата — это не лопата, а оружие массового поражения, с которым запросто можно выиграть мировую войну.

— Смотреть сюда... — Инструктор подхватил лопату и подошел к вкопанному в землю бревну. — Бить лопатой нужно без замаха, но так, чтобы удар шел от плеча. Показываю.

Он обошел вокруг бревна, подволакивая за собой лопату, и вдруг, сделав резкий выпад, ударил лезвием в бревно. Удар был легкий — как выпад рапирой. Но был страшен. Штык лопаты вошел в бревно почти на четверть. Отпущенный черенок мелко вибрировал.

— Вот так, — оценил свою работу инструктор. — Или так...

Он с усилием выдернул лопату из бревна и закинул ее на плечо, как будто собирался идти с ней далеко и долго. Но никуда не пошел, а резко, без замаха, ударил бревно сверху вниз. От бревна отскочила толстая щепка. Если бы это был человек, то запросто отлетела бы отрубленная рука.

— Это был удар сверху. При этом вы как бы перекатываете лопату через плечо, одновременно приподнимая его и толкая вперед, что усиливает удар. То есть в ударе должна участвовать не только рука, а весь плечевой пояс. Показываю еще раз... — И показал еще... И еще... — Теперь о самом инструменте. Заточка. Это самое главное. Заточка должна быть бритвенной, идти с одной стороны, с тыльной, чтобы не бросаться в глаза. Для усиления маскировки рабочую кромку по завершении рекомендуется замазать землей или залить водой до образования ржавчины. Точить лезвие можно о бетон, асфальт, стену. Дово-

дить грубую заточку любым подручным инструментом, хоть даже камнем. При встрече с препятствием: костью или металлическими деталями амуниции — лопата быстро тупится, поэтому ее следует считать одноразовым оружием и после каждого использования затачивать заново. Ясно?

— Так точно! — гаркнул строй.

— Не понял? — удивился инструктор. — Ясно?!

— Ну да... Конечно! Ясно! Понятно! Ага! — вразнобой прокричали курсанты.

— То-то! Теперь представим, что на вас нападает противник с автоматом. Есть у вас шанс?

— Нету, у него же автомат.

— Кто сказал?

— Я!

— Выходи из строя. Бери автомат.

Курсант взял автомат. Инструктор лопату.

— Ну?

— Чего «ну»?

— Нападай!

Курсант вскинул автомат. И не нашел ничего лучшего, как крикнуть:

— Руки вверх!

— С предохранителя сними, — напомнил инструктор.

— А что мне, стрелять? — спросил курсант.

— Стреляй.

Патроны были холостые, но даже если так, не очень-то приятно, когда тебе в зрачки смотрит черная дырка дула.

— Руки вверх! — еще раз, уже чуть истерично, крикнул курсант. И ткнул автоматом вперед.

— Да ладно, ладно, — доброжелательно заулыбался инструктор. — Сдаюсь... — И стал поднимать руку. Левую. Потому что правой держал лопату.

— Лопату на землю! — громко приказал курсант. Он все больше входил в роль.

— Хорошо-хорошо, ты только не психуй так, — примирительно сказал инструктор. И стал нагибаться, чтобы положить свой инструмент.

Но вдруг как-то неуловимо быстро сдвинулся в сторону, одновременно бросив вперед лопату. Звякнул металл о металл. Лезвие скребануло по дулу. Раздался выстрел! Но там, куда был направлен выстрел, инструктора уже не было! Лопата мелькнула в воздухе, и лезвие уперлось в кадык курсанту, а нога инструктора оттолкнула в сторону его оружие. Если бы это был не учебный, а реальный бой, острие лопаты мгновенно перерезало бы курсанту горло, перебив сонную артерию и, возможно, позвоночник.

Курсант напряженно застыл, скашивая глаза вниз, на черное лезвие лопаты, чувствуя, как бритвенно заточенное железо подрезает ему кожу.

— Всё понятно? — спросил инструктор.

Все разом кивнули. Кроме единственного курсанта, который боялся шевельнуть головой.

— Это азы. Это приемы, доступные любому спецназовцу, — пояснил инструктор. — Подбери автомат и ступай в строй... Переходим к Петровичу.

Петрович был манекеном, на котором отрабатывались приемы рукопашного боя. Он был обряжен в военную форму, и на его наскоро намалеванном лице застыла наведенная кем-то доброжелательная улыбка.

— Ну что, Петрович, поработаем?

Петрович блаженно улыбался. Петрович был не против. Он был безотказен.

— Наносить удары можно так. — Держа лопату вертикально, инструктор приподнял ее правой рукой и, удерживая за черенок, неожиданно и сильно пнул ногой, так что лезвие, совершив полукруг, рубануло манекен между ног. — Или так... — Инструктор упал на спину и, упёршись подошвой, толкнул но-